

предметное значение. Нет чисто перформативных высказываний, как нет и высказываний чисто констатирующих. Реальные высказывания как носители информации от объект-языка к субъект-языку суть одновременно – в той или иной степени – констативы и перформативы.

АНАЛИЗ И ОСМЫСЛЕНИЕ: Э. МАХ И Э. ГУССЕРЛЬ

Н. В. Брянник

доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Аналитическая традиция в философии имеет длительную историю. Ее отсчет зависит от принимаемых критериев аналитичности. В новейший период аналитическую философию чаще всего отождествляют с разновидностями философии языка, связанными с логико-лингвистическими средствами исследования языковой реальности, включающей в себя языки науки и естественные языки. Истоки подобного подхода можно обнаружить еще в античности. Помимо наследия Аристотеля, можно упомянуть скептицизм, который осознанно работал в пространстве языка и ставил в качестве исследовательской задачи поиск применительно к любому данному утверждению диаметрально противоположного, но столь же значимого по смыслу.

Есть основания полагать, что новейший этап аналитической философии в качестве своей предпосылки имеет не только особую разновидность философии языка, но и аналитический стиль мышления такого выдающегося европейского мыслителя, как Э. Мах. Развитый им в основных философских работах⁶ аналитический подход явился продолжением философской стилистики классического позитивизма и, в свою очередь, стал непосредственной предтечей новейшего этапа аналитической философии.

Для аргументации высказанного тезиса мы предпримем несколько необычный ход – особенности маховского аналитизма мы попытаемся раскрыть на фоне диаметрально противоположного подхода, нацеленного на поиск смысла. И здесь наш выбор падает

⁶ См. подробнее: Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического и психического. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.; Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

на Э. Гуссерля, что объясняется параллелизмом в постановке значимых для того и другого вопросов.

Для начала отметим, что они творили в одно и то же время – годы жизни Э. Маха (1838–1916) близки годам жизни Э. Гуссерля (1859–1938), а это означает, что они современники одних и тех же событий, при этом нас интересуют в первую очередь события в области философии и науки. Будучи свидетелями одних и тех же событий, они демонстрируют, как по-разному можно воспринимать и оценивать происходящее.

Чтобы высказанное суждение приобрело конкретику, обозначим одну из центральных тем, которая присутствовала в творчестве обоих мыслителей.

Так, оба они особую роль в системе науки отводят психологии. Э. Мах предпринимает психологический и теоретико-познавательный анализ – он говорит о важности исследования психологии естественно-научного познания, которая трансформируется у него в проблематику теории познания. Аргументируя значимость указанных аспектов исследования науки, он по сути и выстраивает аналитическую методологию.

Согласно гуссерлевской концепции, психология также занимает особое место в системе науки – она является ее основанием. Претендуя на философский подход к науке, Э. Гуссерль по сути дела развертывает его как теоретико-познавательный и психологический. При этом его общая методологическая установка разворачивается в контексте смыслов, и она нацелена на критику различных форм натурализма и эмпиризма, к которым, без сомнения, следует отнести и маховский аналитизм.

Аналитический стиль мышления Э. Маха нельзя понять, если не принять во внимание его позитивистскую установку в отношении науки и философии. В подтверждение приведем одно из значимых, на наш взгляд, размышлений мыслителя. Мы находим у него: «цель всей науки: усвоение, согласно принципу экономии мышления, взаимной зависимости чувственных переживаний и представлений людей друг от друга. Эта цель мало отличается от цели, установленной Контом; разница только в том, что для Конта естествознание – почти все, а психология – почти ничего; между тем как автор рассматривает обе области как однородные, равно важные источники нашего познания <...> стоит только в каждой из этих двух областей избегать неподдающиеся контролю пустые метафизические допущения, нарушающие экономию мышления, чтобы распознать простейшие элементы, общие обеим областям. Эти элементы известны в психической области как ощущения, а в области естественно-научной – как физические свойства»⁷.

⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического и психического. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 42.

Обратим внимание на то, что в этом высказывании уже заявлен аналитический подход, поскольку Э. Мах нацелен на поиск «простейших элементов», причем таких, из которых составлен и физический, и психический мир. Довести исследование до простейших элементов означает для него придерживаться принципа экономии мышления, ссылки на который мы постоянно встречаем в текстах исследователя. Подобное постоянство лишь свидетельство последовательного проведения им антиметафизической, т. е. позитивистской установки; отсюда и упоминание О. Конта – отличие лишь в признании значимости психологии, а значит и составляющих данную науку областей знания. Приведем еще одну самооценку Э. Маха, где он пишет: «Во всех моих критико-познавательных исследованиях, как и в <...> исследованиях по физиологии органов чувств, руководящей идеей является одна и та же мысль, именно та, что все метафизическое, как нечто пустое и нарушающее экономию науки, должно быть из нее изгнано»⁸. Не будет искажением позиции мыслителя заявить, что у Э. Маха теоретико-познавательные («критико-познавательные») исследования совпадают с психологическими. Ведь именно обращение к психическим процессам, являющимся для познающего непосредственной реальностью, позволяет избежать метафизических хитросплетений о бытии в целом, неких предельных основаниях человеческого бытия и пр. Но метафизических посылок, вряд ли, кому-то из мыслителей удастся избежать, нам представляется, что есть они и у Э. Маха в самой сердцевине его антиметафизических аргументов. Именно так можно расценить следующее его высказывание: «всю психическую жизнь, а в особенности и занятие наукой, следует рассматривать как часть органической жизни и тогда экономия мышления и изгнание бесполезной метафизики находят свое более глубокое основание в потребности биологической»⁹. Перед нами общая (и стало быть метафизическая) посылка в ключе эволюционной эпистемологии, рассматривающая психику человека и науку, как ее высшее проявление, в качестве средства биологической адаптации. (Но это тема самостоятельного исследования).

В свете сказанного возникает необходимость пояснить, в чем своеобразие собственно аналитической методологии Э. Маха, построенной на тождестве теоретико-познавательного и психологического подходов. Мы находим у него: «в данной широкой области [имеется в виду наука – Н. Б.] – области, включающей в себя все явления как физические, так и психические – необходимы дальнейшие шаги, и первым и ближайшим шагом вперед является взгляд

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Там же. С. 42.

на «ощущения», как на общие элементы всех возможных физических и психических переживаний, вся разница между которыми заключается исключительно в различной зависимости их друг от друга»¹⁰. Как видим, принципиально значимым для него является разложение всего того, чем занимается наука, на элементы, и таковыми для него являются ощущения. Тем самым, своеобразии аналитической методологии, разработанной Э. Махом заключается в приложении ее к сфере психической реальности. Именно это он доказывает всеми своими логическими рассуждениями, а также многочисленными отсылками к примерам из области физических наук, в которой он является профессионалом, и физиологии органов чувств, к которой он проявляет интерес не просто как любитель, а как исследователь. При этом замысел его таков – «наметить новое теоретико-познавательное направление, которое должно подготовить взаимодействие между исследователями, работающими в различных, далеких друг от друга специальных областях»¹¹.

Аналитическая методология, разлагающая любой объект исследования до элементов, открывает для науки общие методы. Сам Э. Мах по этому поводу замечает: «Это приводит к дальнейшему упрощению и обобщению метода»¹². Он не боится обвинений в стремлении к простоте, доходящей до претензии на упрощение. Больше того, именно в этом он видит новаторскую методологическую задачу своего времени: «наметить новое теоретико-познавательное направление, которое должно подготовить взаимодействие между исследователями, работающими в различных, далеких друг от друга специальных областях»¹³.

Что касается областей научного знания, в первую очередь интересующих его, то связь между ними он фиксирует таким образом: «Не отказываясь от помощи физики, физиология органов чувств может не только развиваться своим собственным путем, но и самой физике оказать немалую помощь»¹⁴.

Возможность применения общей методологии для Э. Маха все-таки не самоцель – она производна от его онтологических воззрений: там, где в проблемном поле присутствует физика, бесспорно, есть и онтология. Из многочисленных его положений, касающихся этой сферы, приведем всего лишь одно, подытоживающее его представления: «Итак, <...> весь внутренний и внешний мир, составляются из небольшого числа однородных элементов, образующих то более слабую, то более крепкую связь. Эти элементы

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 49.

обыкновенно называют ощущениями. Ввиду того, однако, что под этим названием подразумевается уже определенная односторонняя теория, мы предпочитаем просто говорить об элементах <...>. Все исследование сводится тогда к определению связи этих элементов»¹⁵. В контексте онтологических положений мыслителя стремление создать не только обобщенную, но и одновременно упрощенную методологию не воспринимается как произвол или «упрощенчество». Ведь, согласно его позиции, «комплексы распадаются на элементы, т. е. на последние составные части, дальнейшее разложение которых нам до сих пор не удавалось»¹⁶.

Перед нами аналитизм, доведенный до предела в рамках существовавших в то время знаний в области физики и физиологии органов чувств. И здесь мы можем связать аргументы, с которых мы начали излагать маховскую позицию, с онтологической подоплекой его методологии. У самого Э. Маха эта связка выстроена таким образом: «мы рассматриваем элементы <...> как мировые элементы. Это основное воззрение может в настоящее время служить руководящим началом во всех областях опыта. Оно представляет собой то воззрение, которое с наименьшей затратой сил, экономнее, чем всякое другое удовлетворяет современному состоянию наших знаний»¹⁷.

Схематично описав философскую и методологическую позицию Э. Маха, дадим подобную же характеристику Э. Гуссерлю. Мы обнаруживаем, что его интерес также сосредоточен на теоретико-познавательных вопросах, что вовсе не удивительно для европейских мыслителей нового и новейшего времени. Гуссерлевские пояснения на этот счет таковы: «пока мы находимся в естествознании и мыслим в его направлении, остается <...> незаменяемой <...> критика опыта, которая ставит под знак вопроса весь опыт вообще и в то же время опытно-научное мышление. Как опыт в качестве сознания может дать предмет <...>; как отдельные опыты с помощью других опытов могут оправдываться <...>, а не только субъективно укрепляться; как игра сознания может давать объективную значимость, относящуюся к вещам, которые существуют сами по себе; почему правила игры сознания не безразличны для вещей; <...> Как известно, той дисциплиной, которая хочет ответить на них, является теория познания»¹⁸. Возникает стойкое ощущение, что подобные размышления вполне мог признать и Э. Мах – ведь речь здесь идет о критико-познавательной позиции, инициированной еще И. Кантом.

¹⁵ Там же. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 138.

Вместе с тем, как и у Э. Маха, теоретико-познавательные вопросы, поднимаемые Э. Гуссерлем, органически срастаются с психологическими. Подтвердим сказанное суждением самого Э. Гуссерля. «Если теория познания хочет <...> исследовать проблемы отношения между сознанием и бытием, — пишет он, — то она может иметь при этом в виду только бытие как коррелят сознания, как то, что нами “обмыслено” сообразно со свойствами сознания: как воспринятое, воспомнутое, ожидавшееся, образно представленное, фантазированное, идентифицированное, различенное, взятое на веру, предположенное, оцененное и т. д. <...> видно, что исследование должно быть направлено на научное познание сущности сознания, на то, что “есть” сознание во всех своих различных образованиях, само по своему существу, и в то же время на то, что оно “означает”, равно как и на различные способы, какими оно сообразно с сущностью этих образований <...> мыслит “предметное” и “выявляет” его как “значимо”, “действительно” существующее»¹⁹.

И хотя у «позитивистствующего» исследователя не может не вызвать неприятие словосочетание «сущность сознания», тем не менее психологическая задача, поставленная Э. Гуссерлем, вполне отвечает устремлениям и Э. Маха.

Итак, мы должны признать, что психологический подход является важной составляющей гуссерлевской позиции — ведь именно психология изучает различные образования сознания, способы их функционирования и, в конечном счете, саму сущность сознания. Понятно, что речь у него идет об особом понимании психологии. Вообще в том спектре наук, который в разных вариациях фигурирует в текстах Э. Гуссерля, психологии отводится особое место. Надо отметить, что среди представителей философии науки неклассического периода интересующие нас мыслители в числе тех немногих, кто уделял психологии столь пристальное внимание.

Зададимся вопросами: почему важна психология для раскрытия философской установки Э. Гуссерля, какое место он отводит ей среди наук, сформировавшихся к концу XIX в., и какую роль сыграла психология в тех событиях, которые были квалифицированы им как «кризис» науки?

В развитии психологии, которая приобретала самостоятельность, постепенно отделяясь от философии в эпоху Нового времени, он выделяет два этапа. Первый этап, с его точки зрения, связан с исследованиями психических явлений с помощью естественно-научных методов — физиологических, антропологических, физических, химических и др. Они позволяют достигать в исследовании психики той же степени строгости, что и при изучении объектов математического естествознания. Этот тип научной

¹⁹ Там же. С. 138–139.

рациональности, имевший определенные положительные результаты, господствовал в психологии до последних десятилетий XIX в. и оказывал влияние на весь цикл наук о духе, поскольку они обретали научность, полагаясь на критерии психологии как науки, — ведь сфера человеческой субъективности и всего, что производно от нее (как предмет психологии), — оценивалось как основание гуманитарных наук.

По мнению Э. Гуссерля, к концу XIX ст. в психологии так же, как и в других науках, возникает кризисная ситуация, может быть, более драматичная, чем в науках о природе. Драматичная в силу отмеченной зависимости наук о духе от психологии, а также из-за того, что мало кто осознавал к тому времени зависимость вообще всей системы науки от понимания сущности психического. Другими словами, он приходит к пониманию того, что психология играет совершенно уникальную роль в целостной системе науки, а отсутствие подлинно научных методов исследования психических явлений, не позволяет, как он считал, ни философам, ни представителям конкретных наук осознать данную ситуацию. И это, безусловно, усиливало кризисное состояние всей науки, поскольку не было продвижения в поиске путей выхода из него.

Э. Гуссерль уверенно заявляет, что прорыв в этой ситуации совершает именно он. Опираясь на идеи предшественников (особая роль принадлежит Ф. Brentano), он приходит к выводу, что «реальность духа как якобы реального придатка к телам, его якобы пространственно-временное бытие внутри природы — бессмыслица»²⁰. Данное высказывание таково, что требует разъяснения. Бессмысленным называет Э. Гуссерль подход, для которого психическое — это особая реальность, зависящая от телесной реальности и обнаруживающая все признаки материально производимой реальности (пространственно-временные, причинно-следственные и пр.). Сам он настаивает на том, что «дух <...> существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой своей независимости <...> может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно»²¹. Уточним, что под духом здесь понимается сфера психического в той ее разновидности, которая ответственна за мир культуры и человеческое творчество. Следовательно, Э. Гуссерль настаивает на самодостаточности и независимости психического от телесности, от всякой физиологии, а тем более, от физических параметров мира и пр.

Для самого Э. Гуссерля научный подход к психическому возможен только при условии, что психическое берется само по себе,

²⁰ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 122.

²¹ Там же. С. 125.

в чистом виде, в том числе и без выяснения закономерностей воздействия на него мозговых процессов.

И здесь мы обнаруживаем фундаментальное расхождение его с Э. Махом, для которого психические процессы «представляют <...> некоторую часть жизненных процессов, именно процессы, происходящие в большом мозгу и потому достигающие до сознания»²². Свое понимание психики он полагает на опытные основания, убеждая, что «факты сравнительно-анатомического, физиологического и психопатологического исследований заставляют нас признать, что целостность больших полушарий мозга обуславливает целостность сознания»²³. Э. Мах использует физические характеристики для описания психических процессов; так, он пишет: «неправильно представлять себе, что ощущения занимают какое-нибудь пространство в мозгу <...>. Если речь идет о моих ощущениях, то они не занимают какого-нибудь пространства в моей голове, а скорее моя «голова» вместе с ними занимает одно пространственное поле»²⁴. Значит, психические процессы неотделимы от физиологии высшей нервной деятельности.

Что означает психическое само по себе, взятое в чистом виде для Э. Гуссерля? Мы находим такие пояснения: «психическое есть <...> неограниченный поток феноменов»²⁵; со своей стороны, феномен есть то, что приходит и уходит, при этом не оставляя после себя и следа какого-либо бытия – того, что можно было бы хоть как-то ухватить естественно-научными методами. Духовный (=психический) акт (здесь оказывается сомнительной уместность любого понятия – деятельность, процесс, событие, даже акт, поскольку все они по смыслу предполагают какой-то результат, т. е. оставляют за собой некий бытийственный след) – это некое «имманентное созерцание», когда «мы переходим от феномена к феномену (каждый из которых есть единство в потоке и сам завлечен потоком) и никогда не приходим ни к чему, кроме феноменов»²⁶. Теперь понятно, почему подобная трактовка психического получает у него название феноменологической психологии. Он проводит четкое разграничение объективистко-натуралистического типа рациональности предшествующей психологии от собственного, феноменологического, и считает, что только последний и представляет собой подлинный путь к научной теории разума, истинный тип научной рациональности, а значит – позволяет психологии преодолеть ситуацию кризиса.

²² Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 72.

²³ Там же.

²⁴ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического и психического. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 67.

²⁵ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 150.

²⁶ Там же.

Далее в логике его рассуждений появляется принципиально значимый момент, фиксирующий преодоление границ традиционной психологии: «когда имманентное созерцание и вещный опыт получающий словесное выражение, вступают в известное отношение находившийся в созерцании феномен и познанная в опыте вещь <...>. Все это носит название: «сознания о», и «имеет смысл» и «мыслит предметное»²⁷. Это важный момент, потому что здесь гуссерлевская психология смыкается с теорией познания – она объясняет, как появляется предметное содержание в человеческом сознании. Предметная наполненность сознания возникает от соединения имманентного созерцания, вещного опыта (который, конечно, является прямой противоположностью имманентному созерцанию) и процедуры словесного обозначения. Поэтому-то феноменологическая психология и исследует направленность сознания на предметы и, тем самым, она приобретает название интенциональной феноменологии.

Не с Э. Гуссерлем ли полемизирует Э. Мах, когда всю силу своих аргументов направляет в адрес сторонников т. н. имманентного интеллектуального созерцания, пытающихся при подобной трактовке деятельности сознания избавиться от всего телесного, физического и материального? Мы находим у него: «Одно внутреннее созерцание, не дополненное постоянным изучением тела, а следовательно и всего физического, которого тело составляет неразрывную часть, не может служить достаточной основой для психологии»²⁸.

Согласно Э. Гуссерлю, в человеческом познании и, в первую очередь, в научном познании мы потому способны достигать объективности знаний и обретать истины, что «созерцание созерцает сущность»²⁹. Что значит сущность? Приведем только один из его примеров. Он пишет: «подобно тому, как можно непосредственно слышать звук, можно созерцать “сущность”, сущность “звука”, сущность “вещного явления”, сущность “видимой вещи”, сущность “образного представления” и т. д. и, созерцая, высказывать сущностные суждения»³⁰. Феноменологическая психология как наука и ориентирована на исследование сущностей.

В сознании сущность исследуемого предстает в виде идей. Познание – это действия с идеями и по поводу идей, это изготовление идей. А идеи существуют иначе, чем реальные вещи: «они не портятся,

²⁷ Там же.

²⁸ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 58.

²⁹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 152.

³⁰ Там же. С. 154.

они непреходящи»³¹. Их нельзя разложить на ощущения или факты, зато можно воспроизвести через любые промежутки времени, воссоздавая одну и ту же идею у неисчислимого множества людей. Идеи предстают как целостные смысловые структуры. Принципиальное отличие деятельности, вращающейся вокруг идей, от деятельности, творящей мир реальных вещей, мир повседневности, Э. Гуссерль подытоживает так: «создав первую концепцию идеи, человек становится совершенно новым человеком»³². Что придает идеям / смыслам такую силу? Идеи / смыслы раздвигают замкнутость границ повседневного бытия человека, привязанного к конкретным вещам, событиям, временным историческим ситуациям, ко всему тленному и преходящему, до горизонта бесконечности. В мире идей каждая данная ступень развития должна сообразовываться с предыдущими и не мнить себя окончательной и последней. И тогда познание (в т. ч. и научное) является процессом бесконечного надстраивания одних идей / смыслов над другими. Познание, по Э. Гуссерлю, – это созидание идеальной вселенной. Все, носящее характер конечного, временного, данного бытия, с позиций идеального мира, обречено на относительность; и только движение в горизонте бесконечности претендует на безотносительную истину.

Именно с этих позиций в понимании сущности сознания и психического самого по себе Э. Гуссерль критикует неприемлемые для него подходы. В числе критикуемых им течений есть место и махистскому подходу, вот в контексте какой оценки он его упоминает: «то, что является характерным для всех форм крайнего и последовательного натурализма, начиная с популярного материализма и кончая новейшим монизмом ощущений и энергетизмом, есть, с одной стороны, натурализация сознания, а с другой – натурализация идей»³³. «Монизм ощущений» – в этом и выражена суть махистской концепции. Натурализация идей, как и натурализация сознания – важнейший принцип позитивистской традиции, которой придерживался и Э. Мах. Натурализация сознания и идей у него представлены так: «Всегда дело сводится к установлению согласия между нашими мыслями, с одной стороны, и фактами действительности – с другой, и между самими мыслями»³⁴. При этом ничего не меняется и в тех случаях, когда Э. Мах использует понятие идеи или раскрывает систему идей: «Наш опыт

³¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 109.

³² Там же. С. 108.

³³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 134.

³⁴ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 206.

развивается через идущее вперед приспособление наших мыслей к фактам действительности. Через приспособление наших мыслей друг к другу возникает упорядоченная, упрощенная и свободная от противоречий система идей»³⁵. Как видим, и идеи, и системы идей, в конечном счете, могут быть разложены на факты. Это оправдывается тем, что научности в самых разных областях знания достигали, полагаясь в первую очередь на упрямые факты, свидетельствующие о самой реальности. Вот эта аналитическая методология, сводящая в конце концов всю деятельность сознания к фактам – к ощущениям и комплексам ощущений критику – и вызывает критику Э. Гуссерля. Он заявляет: «Натуралисты и историцисты борются за мирозерцание; но и те и другие с различных сторон прилагают свои усилия к тому, чтобы перетолковать идеи в факты, а всю действительность, всю жизнь превратить в непонятную безыдейную смесь «фактов». Всем им присуще суеверие фактичности»³⁶. Если идеи и мысли – это только какая-то комбинация фактов, а разум полностью укладывается на поверхность опыта, то из философии исчезает то, что делает ее философией, – смысл. Вот поэтому Э. Гуссерль говорит о том, что позитивисты «обезглавливают философию».

В феноменологии фактам и комплексам ощущений противопоставляются смыслы, опоре на опытно-экспериментальные основания – внутреннее интеллектуальное созерцание сущности, объективизму – собственное Я и самопонимание, а научности законов природы, понятой как она есть сама по себе, – понимание мира как продукта духа. Обобщая указанные противоположения, мы можем сказать, что феноменология противопоставляет аналитизму методологию осмысления.

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ» В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Понятие языковой игры появляется в работе Людвиг Витгенштейна «Философские исследования», время написания данной

³⁵ Там же. С. 52.

³⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 170.